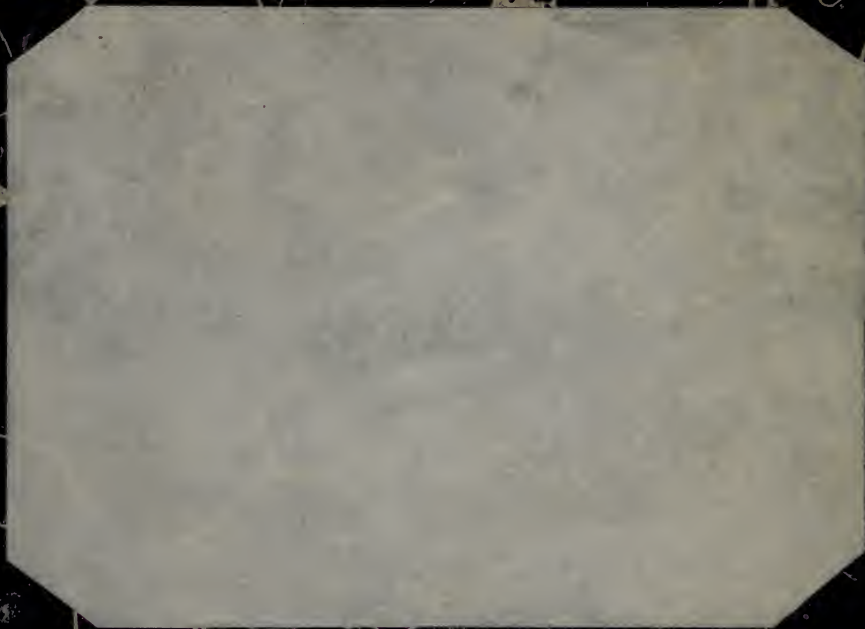

PG 3337
.08 S9
1861

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 1935

Book _____

YUDIN COLLECTION

Ostrovskij, Aleksandr Nikolaevich

Svoi sobaki gryzutsia, chuzhaja
ne pristava!

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!

(Картина московской жизни)

КАРТИНА I-я.

ЛИЦА:

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, МАТРЕНА, кухарка.
вдова. ПАВЛИНЪ ИВАНЫЧЪ УСТРАШИ-
МИХАЙЛО ДМИТРИЧЪ БАЛЬЗАМИ- МОВЪ, сослуживецъ Бальзамнинова.
НОВЪ, сынъ ея. Брионеть, большаго роста, лицомъ
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, врачень и рябовать.
сваха.

(Бѣдная комната у Бальзаминовыхъ.)

ЯВЛЕНИЕ I-е.

Бальзамнинова (одна, сидитъ съ чулкомъ
въ рукахъ).

У Миши, должно быть, опять какіе нибудь планы въ головѣ. Прибѣжить изъ присутствія, пообѣдастъ наскоро, — да и былъ таковъ, и пропалъ на цѣлый день. Гдѣ-то онъ, бѣдный, бродить?—Должно быть далеко, далеко куда нибудь ходить! Придетъ всегда такой измученный, усталый, и лица-то на немъ нѣтъ, и не ѣсть ничего, только все вздыхаетъ. Надо полагать, — онъ въ Рогожскую бѣгаетъ; а пожалуй, что и въ Лезортово! Все раз-

богатѣть-то ему, бѣдному, хочется. Ну, да это ничего, пускай бѣгаетъ; это еще здорово, говорятъ. Теперь время лѣтнее, дѣль у него никакихъ нѣтъ особенныхъ; все-таки лучше пусть на воздухѣ бѣгаетъ, чѣмъ въ комнатѣ-то сидѣть; да еще и польза можетъ произойти. Только я все что-то боюсь за него; все какъ-то миѣ не вѣрится, чтобы онъ ужь очень богатую-то невѣсту себѣ нашолъ. А ужь сколько у него къ этому дѣлу старанія! Сколько старанія! Даже удивительно это видѣть. По его-то старанію ему бы ужь давно надо миліонщицу приспособить. Должно быть, счастья нѣтъ! Безъ счастья, сколько ужь ни старайся, ничего не выходишь. Говорятъ, и грибы искать—счастье нужно; а ужь невѣсть-то и подавно. Вотъ былъ же случай у Ничкиныхъ; а изъ-за чего разошлись? Такъ, изъ пустяковъ. Нужно же было этому облomu пріѣхать! И какъ на грѣхъ его принесло въ такое время! Кабы не онъ, жили бы мы теперь, какъ сырѣ въ маслѣ катались. Есть же такіе злые люди на свѣтѣ! Ну, чтѣ ему нужно было? Себѣ онъ пользы никакой не сдѣлалъ, только Мишу моего обидѣлъ. (*Матрена входитъ съ письмомъ*).

PG 3337

0859

1861

ЯВЛЕНІЕ II-Е.

Бальзаминава и Матрена.

МАТРЕНА.

Письмо вотъ принесли. (*Подаетъ*).

Бальзаминава.

Кто принесъ?

МАТРЕНА.

Должно, что почталіонъ, одѣтъ такъ, по военному. Говорить: городская почта.

Бальзаминава.

Отъ кого бы это? Я ужь и не знаю.

МАТРЕНА.

И я не знаю. Да вотъ что: вы миѣ дайте письмо-то.

Бальзаминава.

За чѣмъ тебѣ?

МАТРЕНА.

Я догону солдата-то, да назадъ ему отдамъ.

Бальзаминова.

Что ты! Какъ можно назадъ, когда оно къ Мишѣ писано.

Матрена.

Должно быть, солдатъ-то по ошибкѣ занесъ; часто бываетъ, что въ другой домъ заносятъ.

Бальзаминова.

Да я тебѣ говорю, что къ намъ. Вотъ и на адресѣ написано.

Матрена.

Нѣтъ, право лучше назадъ отдадимъ отъ грѣха. Кто къ намъ письма писать станетъ? Кому нужн! Вѣдь письма-то пишутъ, коли дѣла какія есть, али знакомство; а у насъ что!

Бальзаминова.

Какая ты глупая! Ну слушай: «Его Благородію....»

Матрена.

Ишь ты «Благородію»!

Бальзаминова.

«Михаилу Дмитріевичу Бальзаминуву.»

Матрена.

Ну, да хоть и написано, а все лучше назадъ отдать; а то еще, пожалуй, солдата-то въ отвѣтъ введешь передъ начальствомъ. Давайте! Что право!

Бальзаминова *(Кладетъ письмо въ столъ.)*

Съ тобой, вѣдь, не сговоришь. Ты смотри, не вошелъ бы кто въ кухню-то!

Матрена.

Украсть-то тамъ нечего, хоть и войдетъ кто.

(Уходитъ и возвращается). Тамъ идетъ кто-то по двору-то.

Бальзаминова.

Ктожь такой?

Матрена.

Кто его знаетъ! Черный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то комужь! Словно какъ онъ бывалъ тутъ.

Бальзаминова.

Устрашимовъ, должно быть.

(Матрена уходитъ. Входитъ Устрашимовъ.)

ЯВЛЕНІЕ Ш-Е.

БАЛЬЗАМИНОВА И УСТРАШИМОВЪ.

УСТРАШИМОВЪ. (*Кланяется*).

Михайло дома?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Нѣтъ. Ушолъ куда-то.

УСТРАШИМОВЪ. (*Подходитъ къ окну и молча, мрачно смотритъ на улицу.*)

Да это вѣрно?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ахъ, батюшка, что мнѣ тебя обманывать-то!

УСТРАШИМОВЪ. (*Продолжаетъ глядѣть въ окно.*)Бываетъ иногда, (*многозначительно*) прячутся. Ну, да вѣдь это не поможетъ. Нѣтъ, шалишь!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Вы такія странныя слова говорите, что и понять васъ нѣтъ никакой возможности.

УСТРАШИМОВЪ.

Нѣтъ, Миша, это, братъ, дудки! Атанде-съ!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Вы мнѣ объясните, въ чемъ ваше дѣло, и что вамъ угодно; такъ я сыну и передамъ.

УСТРАШИМОВЪ. (*Со вздохомъ, продолжая глядѣть въ окно.*)

Тутъ, братъ, два года хожено. Это не другое что нибудь. Этого уступить нельзя. Ты мнѣ несчастьемъ вздумалъ воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! Погоди еще, можетъ быть, самъ туда попадешь! Боже мой! Боже мой! Какъ это случилось! Какъ это могло случиться!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Если вы Мишу ждете, такъ напрасно беспокоите себя, онъ, обыкновенно, къ ночи приходитъ.

УСТРАШИМОВЪ. (*Оборачивается.*)

Пѣтъ-ли у васъ воды? Развѣ вы не видите я ужасно разстроены.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ахъ, батюшка, какое-же мнѣ дѣло, что ты разстроены!

УСТРАШИМОВЪ. (*Садится.*)

Прикажите мнѣ дать воды! Ну, я васъ прошу наконецъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Что ты угорѣлъ, что ли? Матрена, подай стаканъ воды!

УСТРАШИМОВЪ.

Да-съ, бываютъ случаи! жизнь не мила, вотъ оно какъ-съ. Вы этого не понимаете.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Гдѣ понимать!

УСТРАШИМОВЪ.

А отъ чего? Отъ чего, я васъ спрашиваю?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Да что ты пристала?

УСТРАШИМОВЪ.

Все отъ своей гордости, да отъ женскаго капризу. Вотъ отъ чего-съ.

(*Матрена входитъ съ стаканомъ воды на тарелкѣ.*)

МАТРЕНА.

Кому воды-то?

УСТРАШИМОВЪ.

Мнѣ. (*Беретъ и, съ разсѣянности, задумчиво смотритъ на Матрену.*)

МАТРЕНА.

Что ты глаза-то выпучилъ?

УСТРАШИМОВЪ. (*Разсѣянно.*)

Выпучишь. (*Пьетъ и отдаетъ стаканъ Матренѣ. Матрена уходитъ. Устрашимовъ подходитъ къ Бальзаминовой.*) Да-съ! Такъ вы скажите ему, что я былъ здѣсь, что я очень разстроены; онъ пойметъ. Или нѣтъ!... (*Подумавъ.*) Вы скажите ему, (*грози и съ разстоновкой*) что если онъ осмѣлится туда хоть носъ показать, такъ я.... Постоите! Скажите ему, что я ста

тысяч не возьму, умру тамъ у воротъ.... Ужь онъ знаетъ гдѣ. Намъ двоимъ жить на свѣтѣ нельзя. Понимаете вы, нельзя. Либо онъ, либо я!...

Бальзаминова. (*Отвѣщаясь.*)

Надоѣлъ, голубчикъ!

Устрашимовъ.

Да что тутъ надоѣлъ! Вы войдите въ мое-то положеніе.

Бальзаминова.

Очень мнѣ нужно!

Устрашимовъ.

Пли вотъ что! Я и забылъ. Отдайте ему это письмо. (*Доставляетъ письмо и подаетъ.*) Я его написалъ на случай, если не застану. Онъ пойметъ: знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Ну, да еще онъ увидитъ! Онъ будетъ меня знать! Я смиренный человекъ; но если дѣло коснется женщины, либо интересу, тогда ужъ я неумолимъ. Прощайте! (*Уходитъ.*)

Бальзаминова.

Что онъ тутъ мнѣ наплелъ? Должно быть за одной ухаживаютъ. Да, такъ точно! По его словамъ-то такъ и надо полагать. Ишь ты, еще пугать выдумалъ! Такъ его и побоялись! Такъ ему Миша и уступить! Какъ же! Тебѣ ходить мимо оконъ не мѣшаютъ; и ты другимъ не мѣшай! Кому Богъ пошлетъ, того и счастье. Чтой-то на немъ больно много этихъ разныхъ штукъ нацѣплено,—и коленъ, и всего! Должно быть самъ-то интересанъ, такъ вотъ ему и завидно, чтобы другимъ не доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Какъ бы только Миша не разсердился. (*Прячетъ въ столъ.*) Я такъ Мишѣ и скажу: «ничего тебѣ на нихъ смотрѣть; много ихъ тутъ найдется; а ты свое дѣло дѣлай. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить! Дома-то сидя, ничего не высидишь! Не пойдутъ невѣсты тебя отыскивать; самъ долженъ ходить, да искать хорошенько.» А то ишь ты нагородилъ тутъ съ три короба, да и думаетъ, что его побоятся. Пѣтъ, братъ, тутъ дѣло серьезное, денежное! Стражаться, такъ стражаться, — чья возьметъ. Никакъ Миша идетъ?

(*Бальзаминовъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV-Е.

БАЛЬЗАМИНОВА И БАЛЬЗАМИНОВЪ. *(Входитъ и садится въ раздумьи.)*

БАЛЬЗАМИНОВА.

Что это ты скоро воротился, али забылъ что?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. *(Садится.)*

Такъ, раздумалъ маменька. У меня такая примѣта есть. И ужъ эта примѣта самая вѣрная. Если ты идешь и задумалъ что нибудь, и вдругъ тебѣ встрѣча нехорошая: лучше воротись, а то ничего не будетъ. Если такъ идешь, безъ мысли, такъ еще можно продолжать дорогу; а коли есть мысль,—воротись.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Какой ты, Миша! Молодой еще ты, можно сказать, мальчикъ, а примѣты разбираешь, точно старуха какая.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Конечно, маменька, если разсуждать правильно, такъ всѣ эти примѣты — бабья болтовня, вздоръ; только все-таки въ нашемъ дѣлѣ нельзя примѣтамъ не вѣрить. Потому что, маменька, въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья, рѣшительно все.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Да въ какомъ же это въ вашемъ дѣлѣ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да какъ же, маменька! У другаго дѣло вѣрное, такъ что ему до примѣты! Онъ такъ на вѣрное и идетъ, куда ему нужно. А у насъ все отъ случая, все отъ счастья. Мы никуда на вѣрное не ходимъ. Иду по улицѣ—вдругъ понравился,—ну, и богатъ, и счастливъ; не понравился,—ну, всю жизнь бѣдствуй. А вѣдь, это, маменька, съ одной стороны даже заманчиво. Я, бѣдный молодой человекъ, рѣшительно голь, ну голь, какъ есть во всей формѣ, хожу себѣ, гуляю гдѣ нибудь и вдругъ.... Вы только представьте это себѣ, маменька, вдругъ вижу я подъ окномъ даму или дѣвицу. Разъ прохожу, два,—бросаю иѣжный взглядъ; она мнѣ отвѣчаетъ тѣмъ же. Я знакомлюсь черезъ кого нибудь, и, вдругъ, представьте, домъ этотъ,—въ которомъ я ее видѣлъ,—мой; и сажу я по утру за чашкой кофею въ бархатномъ хала-

тѣ... (*Быстро встаетъ*) Вотъ это—жизнь! Боже мой милостивый! И можетъ быть, маменька, мнѣ это счастье суждено; можетъ оно ждетъ меня гдѣ нибудь; я только не знаю, гдѣ оно, тамъ, или тамъ, или тамъ. Я только не знаю, куда идти, гдѣ его искать-то.... и вдругъ судьба....

Бальзаминава.

Мечты вѣдь это все, мой другъ, такъ все одно — облако.

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, зачѣмъ вы меня перервали! Вы не знаете, какое это удовольствіе—мечтать. Иногда такъ занесешься, занесешься, даже вскрикнешь: «Эй, четверню закладывать въ карету!»

Бальзаминава.

Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего этого быть не можетъ.

Бальзаминовъ.

Ну, пѣтъ, маменька, вы не говорите этого! Какъ же можно такъ говорить! Да, вотъ вы увидите, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ что нибудь да ужъ будетъ хороше.

Бальзаминава.

Откуда это? Изъ какихъ земель?

Бальзаминовъ.

Ужъ я не знаю, откуда; а будетъ. Вы видѣли, какъ я вчера былъ весель?

Бальзаминава.

Ну, такъ что же?

Бальзаминовъ.

А знаете ли, отъ чего? Развѣ ужъ сказать? Я, маменька, молодой мѣсяцъ видѣлъ съ правой стороны.

Бальзаминава.

Только-то?

Бальзаминовъ.

Позвольте, позвольте! Вы развѣ не вѣрите въ эту примѣту?

Бальзаминава.

Да какъ же вѣрить-то! Я сколько разъ на своемъ вѣку видала мѣсяцъ-то съ правой стороны, а вотъ ничего не случилось особеннаго.

Бальзаминовъ.

А вотъ увидимъ! Пѣтъ ужъ я такъ увѣренъ, что хоть на па-

ри готовъ. Давайте, маменька, поспоримъ о чемъ нибудь. Если случится что, такъ вы проиграли; а если не случится, такъ я.

Бальзаминова.

Эхъ! какой ты глупый! что тутъ спорить-то! я ужъ знаю, что ничего не будетъ.

Бальзаминовъ.

Подождите, подождите, увидимъ. А ужъ если это не сбудется,—я не знаю чему тогда и вѣрить послѣ этого!

Бальзаминова.

Ну, да вотъ замѣтимъ, давай, съ котораго числа по которое.

Бальзаминовъ.

Надо считать, маменька, отъ новаго мѣсяца и опять до новаго. Въ это-то время, маменька, и нужно ждать чего нибудь. У меня просто сердце не на мѣстѣ; такъ вотъ и жду, такъ вотъ и жду каждую минуту... (*Красавина входитъ, Бальзаминовъ ее не замѣчаетъ*) вдругъ случится что нибудь...

ЯВЛЕНИЕ V-е.

ТѢЖЕ И КРАСАВИНА.

КРАСАВИНА.

Да и случится.

Бальзаминовъ (*остолбенѣвши смотритъ на Красавину*).

Ахъ!

Красавина (*цѣлуясь съ Бальзаминовой*).

Здравствуйте, матушка, Павла Петровна!

Бальзаминова.

Здравствуйте! Садитесь! Что, опять съ вѣстями?

Красавина.

Я, что птица вѣщая, даромъ не покажусь!

Бальзаминова.

Не опять ли по прежнему?

Красавина.

Ужъ видно не судьба; а я не причинна. Сами видѣли, я своей

оборотъ сдѣлала; а я за всѣхъ не отвѣтчица, коли онѣ всякому въ своемъ домѣ волю даютъ. (*Бальзаминоу*) Ну что, получилъ?

Бальзаминовъ.

Что получилъ?

Бальзаминова.

Я и забыла, — вѣдь тебѣ письмо принесли. (*Достаетъ письмо.*)

Красавина.

Про него-то я и спрашиваю.

Бальзаминовъ.

Какъ это вы, маменька! Вы, должно быть, мнѣ совсѣмъ счастья не желаете! Какъ можно забывать такія вещи! Вѣдь тутъ, можетъ быть, вся судьба моя. (*Беретъ письмо.*)

Красавина.

Тутъ она и есть.

Бальзаминовъ.

Ну вотъ видите! Эхъ, маменька! Батюшки, не распечатаю никакъ, руки такъ и ходятъ, такъ и ходятъ. (*Съ сердцемъ*). Ну, затряслись, затряслись! Экой характеръ! экой подлый характеръ! Самъ не радъ, ей-Богу не радъ.

Красавина.

Да и есть отъ чего. Какъ тутъ рукамъ не затрястись! Еще то ли бываетъ!

Бальзаминовъ.

Да постой ты! Я въ себя не приду, а ты еще подбавляешь.

Красавина.

Да ну тебя! ужъ и сказать ничего нельзя!

Бальзаминова.

Тутъ тебѣ еще есть письмо; ну, да это не важное.

Бальзаминовъ.

Маменька, маменька! что вы со мной дѣлаете! Боже мой, милостивый! До того ли мнѣ!

Бальзаминова.

Ну, я его тутъ на столѣ положу; послѣ прочитаешь на досугъ; это отъ Устрашимова; онъ заходилъ безъ тебя.

Бальзаминовъ (*распечатываетъ.*)

Ухъ! насилу распечаталъ.

Бальзаминова.

Да отъ кого это? скажите вы мнѣ.

КРАСАВИЦА.

А вотъ изволите видѣть? ходить-бродить онъ, добрый молодецъ, по такимъ палестинамъ, что другому и на умъ не взойдетъ. Доходился онъ до край-Москвы, видитъ онъ стоитъ новъ-высокъ теремъ; а во этомъ теремѣ, во купеческомъ дому, такая пава, что только «ахъ», да и все тутъ. Не скажу, чтобы красавица, а пышна ужъ очень. Такъ пышна, что нынче мало можно найти такихъ женщинъ, вотъ какъ! Ужъ именно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Вотъ онъ ходилъ, ходилъ мимо оконъ-то, да, не будь дурень, амурное письмо и напиши. Да таково складно, я видѣла письмо-то. Пишетъ это такъ учтиво, безо всякаго охальства. Другой вѣдь напишетъ, просто страмъ; а это хоть барышнѣ дай, такъ ничего. Отъ этого письма она и приди въ чувство; ужъ оченно ей понравилось, что учтиво пишеть-то, что охальства-то никакого нѣтъ. А онъ еще въ концѣ-то стихъ прибралъ: «Взвѣйся вихорь, вѣтерочекъ, отнеси ты ссй листочекъ, — въ объятія тому, кто милъ сердцу моему.» А на пакетѣ-то написалъ: «Лети туда, гдѣ примутъ безъ труда.» Стихомъ-то ужъ онъ ее больше и убѣдилъ.

Бальзаминовъ (*все время слушалъ.*)

Неужли стихомъ?

КРАСАВИЦА.

Стихомъ. Она въ стихи очень вѣруеть, потому, говорить, коли что стихами написано, ужъ это вѣрно: значить, отъ души чловѣкъ писалъ, безъ всякой фальши. А я и случись тутъ, какъ онъ письмо-то въ окошко бросилъ.

Бальзаминова.

Въ окошко бросилъ?

КРАСАВИЦА.

Въ окошко. Вижу ее въ такихъ чувствахъ отъ его учтивости-то, напишите, говорю, ему на отвѣтъ; и адресъ твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова.

Кто же такая?

КРАСАВИЦА.

Вдова, Антрыгина. При большихъ деньгахъ, а одна, какъ есть. Ну теперь читай, что тебѣ на отвѣтъ написано.

Бальзаминовъ (*читаетъ*).

«Вы пишете, что, можетъ, ваше письмо будетъ неприятно; но

если бы оно было неприятно, вамъ бы, напротивъ того, ничего не отвѣчали. Поймите изъ этого! Завсегда видно по поступкамъ, кто чего стоитъ; по этому самому ваше знакомство для насъ будетъ очень пріятно; то и можете меня видѣть въ извѣстномъ вамъ домѣ, когда вамъ угодно. Заочно посылаю вамъ воздушный поцѣлуй...» (*Перестаетъ читать.*) Маменька! Что же это такое, я васъ спрашиваю? Умереть! Больше ничего не остается. Да я когда нибудь и умру отъ этого. (*Садится въ задумчивости*).

КРАСАВИНА.

Такая женщина, я вамъ скажу, одно слово—король! И характеру самага слободнаго.

Бальзаминовъ.

Какъ же это такъ, матушка, слободнаго-то?

КРАСАВИНА.

Такъ, слободнаго, да и все тутъ. Ходить это по комнатамъ, размахиваетъ руками. «Никого, говоритъ, я не боюсь, что хочу, то и творю; нѣтъ, говоритъ, надо мной старшихъ!» Да и точно, кого ей бояться! ни мужа у нея, ни отца; одна какъ есть. Да и сторона же у нихъ такая глухая.

Бальзаминовъ.

Что мнѣ теперь дѣлать? Научи ты меня, сдѣлай милость!

КРАСАВИНА.

Да что тебя учить-то! Приходи уже вечеромъ, вотъ и все тутъ; а тамъ ужъ по дѣлу видно будетъ, какой оборотъ вести. Извѣстное дѣло, зѣвать нечего! Куй желѣзо, пока горячо!

Бальзаминовъ.

Такъ прямо и приходитъ?

КРАСАВИНА.

Такъ прямо и приходи.

Бальзаминовъ.

А что говорить?

КРАСАВИНА.

Что въ голову придетъ, то и говори. Если и соврешь что, такъ не важность; на первый разъ не взыщутъ.

Бальзаминовъ.

Ахъ, Боже мой! Боже мой! Совсѣмъ точно потерянный. Принимаю вѣдь я самъ, что теперь нужно дѣлать-то, и другаго, пожалуй, научу; да какъ же мнѣ быть съ моимъ характеромъ-то? Теперь бы поскорѣй, да поумнѣй, такъ и можно бы дѣло обдѣ-

дать; а у меня вонь руки и ноги трясутся. Вотъ ты и толкуй тутъ, что хочешь. Такая робость нападаетъ, точно тебя казнить ведутъ.

КРАСАВИНА.

Кого это робѣть-то? бабы-то? А ты напусти на себя ероискій духъ, вотъ и все.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Хорошо тебѣ говорить-то: «геройскій духъ.» А гдѣ его взять-то?

КРАСАВИНА.

Ну, а негдѣ взять, такъ плохо дѣло! А я думала, что ты ходокъ на эти дѣла. А еще чиновникъ называешься, при формѣ ходишь! Да будь я мужчиной, такъ я, кажись бы, всѣхъ заполонила. (*Встаетъ.*) Ну, я свое дѣло сдѣлала, сказала тебѣ; а тамъ ужъ ты, какъ хочешь.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Куда же вы? Посидѣли бы, чайку бы напились!

КРАСАВИНА.

А вотъ, мнѣ тутъ, по сосѣдству, нужно бобы развести, къ чаю-то я еще къ вамъ поспѣю.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну такъ я велю самоваръ поставить, да васъ поджидать буду.

КРАСАВИНА (*Бальзаминову.*)

Ну теперь ты видѣлъ мою службу?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Видѣлъ.

КРАСАВИНА.

Ты человѣкъ казенный?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какъ казенный?

КРАСАВИНА.

Ну да также, казенный! Вѣдь ты при должности?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

При должности.

КРАСАВИНА.

Праву знаешь?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какую праву?

КРАСАВИНА.

Такую же праву, документы тамъ ваши и законы всякіе.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Знаю.

КРАСАВИНА.

Служить кто задаромъ, али нѣтъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Кому же охота задаромъ служить!

КРАСАВИНА.

Ну вотъ видишь ли! Значить, и мнѣ тоже по Москвѣ-то даромъ трепаться нужда невелика.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Да ужъ вы, матушка, объ этомъ не беспокойтесь.

КРАСАВИНА.

Какъ же не беспокоиться? Кому охота свои труды терять! Вѣдь этакъ, пожалуй, добрые люди душой назовутъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ты мнѣ только скажи, что тебѣ нужно; а ужъ я ни за чѣмъ не постою.

КРАСАВИНА.

А мы вотъ что сдѣлаемъ! Ты завтра въ судъ пойдешь, такъ принеси листъ гербовой бумаги; мы съ тобой, для вѣрности, условіе и напишемъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ужъ ты будь покойна, ужъ я все.... Маменька, что такое деньги! Прахъ! Нѣтъ ихъ—такъ онѣ дороги; а теперь для меня что онѣ значатъ? Ровно ничего.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну и мотать-то, тоже, ничего нѣтъ хорошаго!

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Я, маменька, мотать не стану; а пожить — поживу, съ шикомъ поживу.

КРАСАВИНА.

Еще-бъ не пожить! Будетъ ужъ, побѣдствовать! Видѣлъ пужну-то, въ чемъ она ходитъ; теперь можно себѣ и отвагу дать. Однако, прощайте! *(Кланяется.)* Хорошо вамъ тутъ разговаривать, вамъ дѣлать—то больше нечего; а у меня еще дѣла—то по уши.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Такъ я васъ жду.

КРАСАВИНА.

Ужъ теперь ваша гостя. Прощай соколъ — вороны крылья!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI-Е.

БАЛЬЗАМИНОВЪ И БАЛЬЗАМИНОВА.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ну, маменька, что вы на это скажете? мѣсяць-то, мѣсяць-то!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Что сказать-то тебѣ? По моему еще очень-то радоваться нечему! Еще вѣрнаго ничего нѣтъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

А все-таки, маменька, видно, что она въ меня влюблена. И домъ, маменька, у нея каменный. Ахъ! блаженство!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ужъ и влюблена! Поправился ты ей такъ, съ виду, вотъ и все. А ты того не забудь, что ты еще съ ней ни одного слова не говорилъ. Что-то она тогда скажетъ, какъ поговорить-то съ тобой! Умныхъ ты словъ не знаешь...

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Это, маменька, нужды нѣтъ. Въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья; тутъ умомъ ничего не возьмешь. Другой и съ умомъ, да лѣтъ пять даромъ проходитъ; я вотъ и неумень, да женюсь на богатой!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Вотъ что, Миша, есть такія французскія слова, очень похожія на русскія; я ихъ много знаю, ты - бы хоть ихъ заучилъ когда, на досугѣ. Послушаешь иногда на именинахъ или гдѣ на свадьбѣ, какъ молодые кавалеры съ барышнями разговариваютъ,—просто прелесть слушать.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какія-же это слова, маменька? Вѣдь какъ знать, можетъ быть они мнѣ и на пользу пойдутъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Разумѣется, на пользу. Вотъ слушай! Ты все говоришь: «я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «я хочу проминажъ сдѣлать!»

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да-съ, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминажъ лучше.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Про кого дурно говорятъ, это—мараль.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Это я знаю-сь.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Коль человекъ или вещь какая нибудь не стоитъ вниманія, ничтожная какая нибудь, — какъ про нее сказать? Дрянъ? Это какъ-то неловко. Лучше сказать по-французски: «гольтеса!»

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Гольтеса. Да, это хорошо.

БАЛЬЗАМИНОВА.

А вотъ если кто заважничаетъ, очепь возмечтаетъ о себѣ, и вдругъ ему форсъ-то собьютъ,—это «асаже» называется.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Я этого, маменька, не зналъ, а это слово хорошее. Асаже, асаже....

БАЛЬЗАМИНОВА.

Дай только припомнить, а то я много знаю.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Припоминайте, маменька, припоминайте! Послѣ мнѣ скажете. Теперь сбѣгать въ цирюльню завиться, да и бѣжать. Вотъ, маменька, полечу-то я, кажется, и ногъ-то предъ собой не буду слышать отъ радости. Вѣдь вы только представьте: собой не дурна, домъ каменный, лошади, деньги, одна, ни родныхъ, ни кого. Вотъ гдѣ счастье-то! Я съ ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажемъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

На-ко, вотъ еще письмо къ тебѣ. (*Отдаетъ письмо Устрашимова.*)

БАЛЬЗАМИНОВЪ. (*Беретъ письмо и распечатываетъ.*)

Мы себя покажемъ, маменька! Мы себя покажемъ. (*Читаетъ.*) Боже мой! (*Съ отчаяніемъ садится на стулъ.*) Все конечно, все!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Что тамъ еще за бѣда случилась?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Все, все конечно! Печего теперь и думать, и мечтать... Какъ обухомъ, такъ и ошаршилъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Паладилъ одно! Да ты скажи мнѣ, что такое?

Бальзаминовъ?

Нечего и завиваться идти. И не пойду. Вотъ тебѣ и домъ. Точно, какъ я все это во снѣ видѣлъ.

Бальзаминава.

Эхъ, глупъ ты, Миша!

Бальзаминовъ:

Да, глупъ! Хорошо вамъ разговаривать-то! Поглупѣешь, какъ вотъ этакія письма получать будешь. Я вотъ сижу, маменька,—а вѣдь я убитый....

Бальзаминава.

Да читай! Что за страсти такія!

Бальзаминовъ.

Эко наказанье! Ну что я ему сдѣлалъ? Слушайте, маменька! (*Хочетъ читать и останавливается.*) Разбойникъ! Право, разбойникъ! (*Читаетъ:*) «Михайло! я давно слышалъ, что ты ходишь мимо извѣстнаго тебѣ дома; но не вѣрилъ»... И рожа-то у него, маменька, разбойническая! (*Читаетъ*) «но не вѣрилъ; я думаю, что ты, зная меня, не посмѣешь этого сдѣлать. Теперь я самъ тебя видѣлъ, и знаю, что ты кинулъ въ окно записку. Такой подлости я отъ тебя не ожидалъ!» Въ чемъ-же тутъ подлость, позвольте васъ спросить. А онъ самъ развѣ этого не дѣлаетъ! Откуда-жь у него перстни, да цѣпочки-то?

Бальзаминава.

Да ты читай!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ, маменька! (*Читаетъ.*) «Я ужъ два года знакомъ съ этой дамой...» Кто-жь его зналъ! Развѣ я зналъ это?

Бальзаминава.

Ну, а если-бъ зналъ?

Бальзаминовъ.

Разумѣется бы, не пошолъ.

Бальзаминава.

А отъ чего-бы это не пойдти? Что онъ тебѣ начальникъ, что-ли? Вѣдь она еще не жена ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то: «не пошелъ-бы!» То-то вотъ ты те-теря у меня; вотъ что мнѣ и горько!

Бальзаминовъ.

Это я, маменька, такъ сказалъ. Можетъ быть, я и пошелъ бы.

Бальзаминава.

Ну, что тамъ дальше?

Бальзаминовъ (*читаетъ*).

«Теперь у насъ вышла ссора изъ капризу.....»

Бальзаминова.

Вышла ссора. Ну вотъ и прекрасно! Ты и долженъ этимъ пользоваться.

Бальзаминовъ.

Да, какъ-же, прекрасно! Вы послушайте, что онъ дальше-то пишетъ. (*Читаетъ*) «но я надѣюсь помириться съ ней; слѣдовательно ты мнѣ мѣшать не долженъ. Если бы она была поумнѣй, я бы тебя не боялся; а то она, по глупости, готова всякому дураку кинуться на шею.....»

Бальзаминова.

И чудесно, и чудесно!

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, да ужъ вы не перебивайте! (*Читаетъ*.) «По этому самому ты и не смѣй ходить въ ту сторону.» Вотъ оно что! (*Читаетъ*.) «Если тебѣ жизнь еще не надоѣла, чтобы и ногѣ твоя тамъ не была!» Какъ это вамъ покажется?

Бальзаминова.

Небось, страшно?

Бальзаминовъ.

А то не страшно? Вѣдь я, чай, одинъ у васъ сынъ-то! Ну, а вотъ дальше-то. (*Читаетъ*) «а то я тебя изувѣчу или со-всѣмъ убью. Такъ ты и знай! Вотъ тебѣ и вся недолга.»

Бальзаминова.

Что такое? Я не дослышала.

Бальзаминовъ (*робко*).

«Вотъ тебѣ и вся недолга!»

Бальзаминова.

Скажите, пожалуйста! Такъ вотъ васъ и испугались! Ну, что-жъ ты молчишь?

Бальзаминовъ.

Что-жъ мнѣ говорить-то? Точно меня чѣмъ ошибло, ничего не помню, изъ головы все вылетѣло, словно какъ пустая теперь.

Бальзаминова.

Что-жъ, ты пойдешь или нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Какъ идти-то, маменька? Развѣ мнѣ жизнь-то немила, что-ли? Какъ ни бѣдствуешь, а все пожить-то хочется.

Бальзаминова.

А домъ-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминовъ.

Ахъ, не терзайте вы меня! (*Хватаетъ себя за голову*). Что мнѣ дѣлать? Батюшки, что мнѣ дѣлать?

Бальзаминова.

Такъ ты въ самомъ дѣлѣ боишься, что онъ убьетъ тебя?

Бальзаминовъ.

Убьетъ, маменька. убьетъ! Ужъ я его знаю. (*Стоитъ, задумавшись*).

Бальзаминова.

А я такъ думаю, что не убьетъ. Глупый ты человекъ, вѣдь за это въ Сибирь ссылаютъ. Кому охота! Побить, можетъ быть, побьетъ, это я не спорю, коли онъ сильнѣе тебя.

Бальзаминовъ (*въ задумчивости*).

Сильнѣй.

Бальзаминова.

За то, коли ты понравишься, какой ты ему носъ-то натянешь!

Бальзаминовъ (*все въ задумчивости*).

Асаже?

Бальзаминова.

Да, асаже славное сдѣлаешь.

Бальзаминовъ (*нѣсколько времени стоитъ молча*).

Ну, была—не была! Прощайте! Побѣгу завиваться.

Бальзаминова.

Ступай. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить!

Бальзаминовъ.

Именно! Ну, Устрашимовъ, посмотримъ, чья возьметъ! (*Уходитъ*).

КАРТИНА II-я.

Л И Ц А :

АНФИСА ДАНИЛОВНА АНТРЫГИНА, МАША, горничная Антрыгиной.
 вдова 30-ти лѣтъ. БАЛЬЗАМИНОВЪ.
 АННА ПРОКЛОВНА ПИОНОВА, ея УСТРАШИМОВЪ.
 знакомая 25-ти лѣтъ. КРАСАВИНА.

(Богатая гостиная въ домѣ Антрыгиной).

ЯВЛЕНИЕ I-е.

МАША, одна. (*Смотритъ въ окно и кланяется*).

Павлинъ Иванычъ, здравствуйте! Что? Говорите громче, здѣсь никого нѣтъ. (*Голосъ Устрашимова: «Сдѣлай милость Маша узнай, за что на меня твоя барыня сердится.»*) Да какъ узнаешь-то? онѣ не сказываютъ. (*Устрашимовъ: «Рубль серебромъ, Маша.»*) Обманете! (*Устрашимовъ: «Ну вотъ еще!»*) Побожитесь! (*Устрашимовъ: «Да что божиться; я тебя впередъ отдамъ.»*) Ну, хорошо! Ужь постараюсь какънибудь. (*Устрашимовъ: «Такъ ты вотъ что: ты какъ узнаешь, такъ прибѣги въ лавочку къ заставѣ. Я буду тамъ дожидаться.»*) Хорошо, хорошо! (*кланяется*). Прощайте! Отъ чего сердитесь? Извѣстно отъ чего, отъ ревности. Надо только узнать, къ кому она его ревнуетъ. А онъ-то, бѣдный, мучится, думаетъ, что она его разлюбитъ. Не разлюбитъ, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то бѣлобрысаго чиновника теперь приманиваетъ; а все это только одинъ отводъ, помучить хочется. Кабы въ самомъ-то дѣлѣ захотѣла бросить Павлина Иваныча, такъ бы съ утра до ночи на трефоваго короля не гадала. Нѣтъ ужъ, видно, какъ полюбишь вашего брата, такъ нескоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачѣмъ только она сотворена. Ужь про нашу сестру нечего говорить, слабое твореніе; а и мужчины, и тѣ отъ нея мѣрку видятъ. А все таки безъ любви никто не жеветъ! И стыда отъ нея много бываетъ; случается, что и горя натерпишься;—а безъ нея все таки скучно. Вотъ тутъ у меня какъ-то перемежка вышла, такъ

не знала куда дѣться отъ тоски. Хожу, какъ не своя, точно какъ потеряла что. А какъ есть предметъ, такъ то ли дѣло.....
(Входитъ Антрыгина и молча ложится на диванъ).

ЯВЛЕНИЕ II-Е.

АНТРЫГИНА И МАША.

МАША.

Что это вы, сударыня, какія нынче скучныя?

Антрыгина (*тошно и со вздохомъ*).

Такъ.

МАША.

Нѣтъ ужъ это, сударыня, что нибудь да не такъ; прежде съ вами этого не было.

АНТРЫГИНА.

Отъ того и скучаю, что мнѣ все на свѣтѣ надоѣло, ни что меня въ жизни не занимаетъ. И за чѣмъ я живу? Я не понимаю.

МАША.

Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такія веселыя. Даже очень пріятно было видѣть васъ, что вы всегда въ хорошемъ расположеніи бываете.

АНТРЫГИНА.

Да, можетъ быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь; слѣдовательно что же меня можетъ къ ней привлекать!

МАША.

Вы еще такъ молоды, сударыня.

АНТРЫГИНА.

Что жъ изъ этого? Коли я вижу, что все въ жизни обманъ, что никому повѣрить нельзя, что на свѣтѣ только суета одна,— что я должна дѣлать? Я должна удаляться отъ свѣта. Съ хитростью, съ политикой, женщица можетъ жить въ свѣтѣ; а съ чувствомъ, съ нѣжнымъ сердцемъ должна только страдать. Слѣдовательно, я лучше буду жить, какъ отшельница, чѣмъ за все свое расположеніе и за свое добро видѣть отъ людей обиду или насмѣшку.

МАША.

Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что

людямъ нельзя большаго довѣрія дѣлать, особенно мужчинамъ; только для чего же изъ за этого изъ за самаго вы будете себя мучить! Развѣ мало можетъ быть для васъ развлеченій?

АНТРЫГИНА.

Какихъ это развлеченій?

МАША.

Мало ли, сударыня, развлеченій! Можете ѣхать на гулянье въ гости, у себя гостей принимать, зимой—въ театръ, въ собраніе.

АНТРЫГИНА.

Для чего? для кого?

МАША.

А какъ знать, сударыня, можетъ вамъ ктонибудь понравится, выйдете замужъ и будете жить да поживать.

АНТРЫГИНА.

Я? Никогда! Чтобы я когданибудь повѣрила мужчинѣ! Да если онъ всѣ клятвы произнесетъ, я и тогда не повѣрю. (*Молчаніе.*) Я въ монастырь пойду.

МАША.

Что вы, сударыня! Какъ это можно!

АНТРЫГИНА.

А вотъ увидишь. Ужъ если я на что рѣшилась...

МАША.

Ѣдетъ кто-то. (*Подходитъ къ окну и смотритъ.*) Военный... къ намъ въ окна смотреть... съ аполетами...

АНТРЫГИНА.

Съ густыми?

МАША.

Съ густыми.

АНТРЫГИНА.

Молодъ?

МАША.

Не очень.

АНТРЫГИНА.

Ужъ если я на чтонибудь рѣшилась... Да, можетъ быть, это онъ такъ взглянулъ?

МАША.

Должно быть. Что-то не оборачивается.

АНТРЫГИНА.

Ну его! Ужъ коли я на что рѣшилась, такъ я и сдѣлаю. Ты

еще моего характера не знаешь. Ты, можетъ быть, думаешь, что я буду жалѣть о разныхъ глупостяхъ? Какъ же, нужно очень! Я ужь давно всѣ шалости изъ головы выкинула. У меня и въ помышленіи-то нѣтъ ничего такого. *(Задумывается съ улыбкой.)*

МАША *(Указывая глазами на карты.)*

Не раскинуть ли?

АНТРИГИНА.

Кинь!

МАША.

На трефового короля прикажете?

АНТРИГИНА. *(Разсыянно.)*

Ну, да.

МАША *(гадаетъ.)*

Очень, очень не дурно, сударыня.

АНТРИГИНА.

Что тамъ у тебя?

МАША.

А вотъ извольте посмотрѣть.

АНТРИГИНА. *(Встаетъ и смотритъ.)*

И то, вѣдь хорошо.

МАША. *(Со смѣхомъ показывая на карту.)*

А вотъ извольте посмотрѣть, что здѣсь-то!

АНТРИГИНА. *(Улыбаясь смѣшивается карты.)*

Ахъ, пустяки какіе! Неужели ты вѣришь?

МАША.

Никогда не врутъ, сударыня. А ужь это-то всегда сбывается.

АНТРИГИНА.

Ну, болтай еще! Чего ты не выдумаешь! *(Молчаніе.)* Хоть бы шарманка что ли прошла; тоска такая.

МАША.

Барыня, подъѣхалъ кто-то.

АНТРИГИНА.

Бѣги, посмотри, кто такой? *(Маша уходитъ. Антригина поворачивается передъ зеркаломъ, потомъ смотритъ въ окно.)*

Вчера не проходилъ и нынче нейдетъ. Ахъ, противный! Коли завтра не придетъ, такъ надо будетъ Машу посылать! Пускай

она, какъ будто отъ себя, и скажетъ, что я замужъ выхожу, вотъ мы тогда и посмотримъ. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины все горды; ну ужъ и я, кажется, ни за что на свѣтѣ не покорюсь. (*Входятъ: Пюнова и Маша.*)

ЯВЛЕНИЕ III-Е.

АНТРИГИНА, ПЮНОВА и МАША (*у дверей.*)

АНТРИГИНА.

Ахъ, Анета! Что это ты пропала? (*Цѣлуются и садятся.*)

ПЮНОВА.

Хорошо тебѣ разговаривать-то, ты сама себѣ госпожа; а у меня мужъ, да и дѣла куча. Я и заѣхала-то къ тебѣ не надолго, поговорить нужно объ одномъ дѣлѣ. У насъ въ домѣ такая тоска.

АНТРИГИНА.

Я воображаю.

ПЮНОВА.

Повѣришь ли, не съ кѣмъ слова перемолвить. Иногда такъ нужно бываетъ, такъ нужно, а рѣшительно не съ кѣмъ, ну и ѣдешь къ тебѣ за семь верстъ.

АНТРИГИНА.

Развѣ есть что?

ПЮНОВА.

Нѣтъ еще, серьезнаго ничего нѣтъ.

АНТРИГИНА.

Гдѣ поймала?

ПЮНОВА.

Въ Сокольникахъ.

АНТРИГИНА.

Хорошъ?

ПЮНОВА.

Недуренъ. Ну да объ этомъ послѣ. Что твой?

АНТРИГИНА.

Ахъ, оставь, сдѣлай милость! Я и думать-то забыла о немъ.

ПЮНОВА.

Да отъ чего съ тобой вдругъ такая перемѣна, скажи на милость?

АНТРЫГИНА.

Отъ того, что мерзавецъ!

ШОЛОВА.

Ахъ, Анфиса! Ты ли это говоришь!

АНТРЫГИНА.

Ужъ коли я говорю, такъ значить, я знаю.

ШОЛОВА.

Помилуй! Такой прекрасный молодой человекъ! Такъ тебя любить!

АНТРЫГИНА.

Да, любить; оно и видно.

ШОЛОВА.

Разумѣется, видно. Неужели ты въ этомъ сомнѣваешься? Это ни на что не похоже! И ты до сихъ поръ все его мучишь, все не принимаешь?

АНТРЫГИНА.

Еще бы! Да и нога его здѣсь nebudeтъ.

ШОЛОВА.

Что ты! Что ты!

АНТРЫГИНА.

И таки никогда, никогда.

ШОЛОВА.

Ну ужъ я не знаю! Ты каменная какая-то! Желѣзо, просто желѣзо! Да и то подается. Чего тебѣ еще нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюбленъ безъ памяти...

АНТРЫГИНА.

Да тебѣ-то что за дѣло?

ШОЛОВА.

Да не могу я этого видѣть равнодушно! Дѣлать такія тиранства надъ человекомъ, который, можетъ быть, ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, это ужасно!

АНТРЫГИНА.

Нѣтъ онъ стоить, онъ еще не того стоить!

ШОЛОВА.

Попался тебѣ мужчина съ кроткимъ сердцемъ, можно сказать, съ ангельскимъ, такъ его и мучить.

АНТРЫГИНА.

Хороши ваши мужчины, нечего сказать!

ШОЛОВА.

Ну ужъ и женщины-то ваши тоже хороши.

АНТРЫГИНА.

Разумѣется, лучше мужчинъ.

ШОЛОВА.

Ну, едва ли!

АНТРЫГИНА.

Про какое—это ты ангельское сердце говоришь?

ШОЛОВА.

Конечно, про Устрашимова.

АНТРЫГИНА.

Развѣ у фальшивыхъ людей можетъ быть ангельское сердце? Давно ли это?

ШОЛОВА.

Кто же сказалъ, что онъ фальшивый человекъ? Противъ кого онъ фальшивый человекъ?

АНТРЫГИНА.

Рѣшительно противъ всѣхъ.

ШОЛОВА.

Но только не противъ тебя. Онъ такой душка, прелесть что такое!

АНТРЫГИНА.

Безсовѣстный!

ШОЛОВА.

Ангель, а не человекъ.

АНТРЫГИНА.

Мерзавецъ, какихъ свѣтъ не производилъ.

ШОЛОВА.

Очарованіе, что за мужчина!

АНТРЫГИНА.

Ну и возьми его себѣ, коли онъ тебѣ нравится.

ШОЛОВА.

Мнѣ не надобно-съ. Не извольте обо мнѣ беспокоиться! Конечно, я умѣю цѣнить людей, не то что ты. Скажи же ты мнѣ, наконецъ, за что ты на него сердишься.

АНТРЫГИНА.

Тебѣ хочется знать? Изволь. Постой, когда это... да на той недѣлѣ во вторникъ—ѣду я мимо Чистыхъ прудовъ, вдругъ вижу: этотъ господинъ идетъ подъ ручку съ какой-то дамой, садятся на лавочку и такъ это горячо разговариваютъ...

ШОЛОВА.

Да ты хорошо-ли разсмотрѣла?

Антригина.

Гдѣ жь было разсмотрѣть! Оно бы и пужно было остано-
виться, да ужь я себя не помнила. Во всѣхъ членахъ трясеніе
сдѣлалось. Вмѣсто того чтобы сказать кучеру: «стой!» я кри-
чу: скорѣй, скорѣй! Какъ домой доѣхала, ужь не помню. Сей-
часъ же не велѣла его пускать и писемъ отъ него принимать...
(*Маша уходитъ*).

Понова.

Да можетъ быть, это не онъ былъ. Надо узнать.

Антригина.

Какъ же узнать? У него что ли спросить? Такъ онъ развѣ
скажетъ! Извѣстное дѣло, обманеть, перевернетъ все въ дру-
гую сторону. Нѣтъ, ужь лучше Богъ съ нимъ. (*Подноситъ*
платокъ къ глазамъ).

Понова.

А сама плачешь, да вотъ и трефовый король тутъ на столѣ.
Значить, ты объ немъ думаешь.

Антригина.

И не воображала.

Понова.

Анфиса, помирись съ нимъ! (*Цѣлуетъ ее*). Ну, сдѣлай ми-
лость! Ну для меня! Душенька!

Антригина.

Ни за что на свѣтѣ.

Понова.

Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не по-
миритесь.

Антригина.

Нѣтъ ужь у меня другой есть на примѣтѣ. Выду за него за-
мужъ, онъ же такой скромный, учтивый.

Понова.

И ты рѣшишься этакое варварство сдѣлать?

Антригина.

Что за варварство?

Понова.

Да какъ же не варварство? Промѣнять такого человѣка на ка-
кую нибудь дрянъ.

Антригина.

Совсѣмъ не дрянъ. Во первыхъ, онъ не то что другіе, онъ
любитъ меня.

Шонова.

Да, какъ же, любить? Онъ тебя обманываетъ, прикидывается только.

Антрыгина.

Во первыхъ, это сейчасъ видно, кто обманываетъ; а во вторыхъ...

Шонова.

Да, какъ же, увидишь ты у нихъ!

Антрыгина.

У кого, у нихъ?

Шонова.

У мужчинъ. Такъ тебя проведутъ, что и не услышишь. Ужь обмануть—ихъ дѣло. Тѣмъ только всю жизнь и занимаются. Мы имъ на жертву созданы; вотъ они и потѣшаются надъ нами.

Антрыгина.

У тебя, Анета, семь пятницъ на недѣлѣ; давеча хвалила мужчинъ, а теперь ужъ нехороши стали.

Шонова (*горячо*).

Ну что жъ такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а все-таки Устрашимовъ неподобный мужчина, а этотъ твой новый—дрянь. Устрашимовъ никогда не позволитъ себѣ обмануть женщину, а этотъ обманываетъ. Это очень ясно. Вотъ тебѣ и все. Да этого и не можетъ быть, чтобы Устрашимовъ былъ тебѣ невѣренъ. Да вотъ, давай, сейчасъ загадаемъ на картахъ, вотъ все и узнаемъ. (*Разкладываетъ карты*).

Антрыгина.

Гадай, коли тебѣ хочется. (*Входитъ Красавина*).

ЯВЛЕНИЕ IV-е.

Тѣже и Красавина.

Антрыгина.

А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина (*садится*).

Была и медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Антрыгина.

Ну, здѣсь попадетъ. Что же?

Красавина.

Соколъ въ путь снаряжается. Чай скоро прилетитъ.

Пюнова (*строю*).

Анфиса!

АНТРЫГИНА.

Пускай прилетитъ, мы его примемъ, какъ должно.

Пюнова (*бросивъ карты*).

Нѣтъ, это изъ рукъ вонь! Ты такъ вѣтренна, такъ вѣтренна, ни на что непохоже!

КРАСАВИНА.

А что жъ такое въ этомъ дурнаго, теперича спросить у тебя. Ты еще понимаешь ли какое это дѣло, какъ оно называется? Вѣдь это—судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Можетъ, ей на роду написано быть за нимъ за мужемъ. Такъ развѣ можно отъ своей судьбы бѣгать! Гдѣ это видано?

Пюнова.

Тебя послушай только! У васъ все судьба; всѣ свахи такъ говорятъ. Извѣстное дѣло—въ этомъ вамъ интересъ, вотъ вы и хлопчете.

КРАСАВИНА.

А что такое сваха? Сваха—великое слово! Не у всякаго хватить ума, какъ его понимать! Если разсудить хорошенько, такъ насъ бы надобно всякими разными чинами жаловать,—вотъ что я тебѣ скажу. Нами только и государство—то держится, безъ насъ никакое государство стоять не можетъ. Вотъ оно какое слово—сваха. Не будь насъ, ну и конецъ, и родъ человѣческой прекратится.

Пюнова.

Не безпокойся, не прекратится.

КРАСАВИНА.

Гдѣ тебѣ знать! Ты еще молода для этого!

АНТРЫГИНА.

А что, Гаврилиха, каково они живутъ? Съ достаткомъ или нѣтъ?

КРАСАВИНА.

Ужъ какіе достатки у приказныхъ! Миѣ передъ тобой таить нечего; живутъ не больно авантажно. Избушка на курьихъ ножкахъ, маленько-тово... набокъ; рогатаго скота: пѣтухъ да курица; серебряной посуды: крестъ да пуговица. Да тебѣ что за дѣло до достатковъ, у тебя у самой много, тебѣ человѣка нужно. Да вотъ никакъ и онъ пришелъ, кто-то въ передней тол-

чется. (*Встаетъ и заглядываетъ въ дверь*). Войди, ничего, не бойся! Войди, говорятъ тебѣ! Чего бояться-то! (*Бальзаминовъ входитъ и раскланивается*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ и Бальзаминовъ.

АНТРЫГИНА.

Здравствуйте, Михайло Дмитричъ! Я давно хотѣла съ вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

КРАСАВИНА.

Ну и сядь!

Бальзаминовъ (*Красавиной*).

Да ужъ я самъ-съ... (*раскланивается*).

КРАСАВИНА.

И садись, коли просятъ. (*Бальзаминовъ садится*).

АНТРЫГИНА.

У васъ, должно быть, служба не очень трудная?

Бальзаминовъ.

Съ девяти часовъ до половины третьяго-съ; а на домъ рѣдко когда даютъ-съ.

ШОНОВА.

Оно и видно, что вамъ дѣлать-то нечего; то-то вы по всей Москвѣ и ходите.

АНТРЫГИНА.

Ахъ какая ты, Анета! Отъ чегожъ и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминовъ.

Проминажъ-съ.

ШОНОВА.

Хорошъ проминажъ, чрезъ всю Москву!

АНТРЫГИНА.

Разумѣется, безъ цѣли не стоитъ ходить. У нихъ, можетъ быть, есть цѣль; почему ты знаешь! Можетъ быть, имъ ктонибудь нравится въ этой сторонѣ. Вѣроятно за этимъ и ходите въ нашу сторону?

Бальзаминовъ (*конфузаясь*).

Да-съ, такъ точно-съ!

АНТРЫГИНА.

Вотъ видите-ли, я и угадала.

ПЮНОВА.

Мудрено было угадать! (*Бальзаминову*). А можно васъ спросить, кто это вамъ нравится въ этой сторонѣ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Это я долженъ сохранять въ глубинѣ души своей-сь.

АНТРЫГИНА.

И очень вы ее любите?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Для моей любви нѣтъ границъ и нѣтъ словъ-сь, чтобы выразить.

АНТРЫГИНА.

Вотъ какъ! Это должно быть, очень пріятно, когда такъ любить. Слышишь, Анета?

ПЮНОВА.

А я такъ думаю, что отъ того и нѣтъ словъ, что сказать-то нечего.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Конечно, кто знаетъ много стиховъ хорошихъ-сь, тотъ сейчасъ можетъ прибрать на всякій случай-сь; а кто если не знаетъ, какъ же онъ выразитъ свои чувства!

АНТРЫГИНА.

А вы много стиховъ знаете? Я ужасно люблю стихи.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Я больше все чувствительными стихами занимаюсь, которые выражаютъ любовь-сь и разныя страданія. А то много вѣдь стиховъ написано теперь и такихъ, которые ничего не выражаютъ; такъ тѣ для меня не интересны-сь.

АНТРЫГИНА.

Скажите какіе нибудь, мы послушаемъ!

КРАСАВИНА.

Ну и скажи, послушаемъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Прикажите чувствительные?

АНТРЫГИНА.

Ахъ, сдѣлайте милость, чувствительные.

Бальзаминовъ.

Льются слезы, духъ мятется,
Томно сердце, томно бьется;
Гдѣ любовная моя?

Нѣтъ ея!

Красавина.

Что-то, братъ, нескладно.

Бальзаминовъ.

Есть и другіе-съ.

Антрыгина.

Какіе-же это такіе?

Бальзаминовъ.

Пастухъ, ищущій своей пастушкѣ. Голосъ нѣжный. Такъ и въ книжкѣ напечатано. А то я знаю и жестокіе-съ.

Антрыгина.

Скажите жестокіе!

Бальзаминовъ.

Злой пастухъ!

Весь твой духъ

Нынѣ премѣнился,

Ты иной

Красотой,

Знать, теперь плѣнился?

Красавина.

Да что ты все про пастуховъ наладилъ! Нужно очень! Вотъ невидаль какая! Ты хорошіе какіенибудь скажи! Про ерцогиню какую, либо про прынца.

Бальзаминовъ.

У меня дома тетрадь есть для стиховъ-съ, я въ нее и вписываю; если прикажете, я принесу-съ.—Только, что хорошихъ стиховъ достать не гдѣ-съ, у насъ въ Судѣ никто этимъ не занимается, только развѣ одинъ Устрашимовъ.

Антрыгина.

А вы развѣ въ одномъ Судѣ служите?

Бальзаминовъ.

Въ одномъ-съ и даже за однимъ столомъ-съ.

Пунова.

Какъ я вамъ завидую.

Антрыгина.

Вы, значитъ, его хорошо знаете?

Бальзаминовъ.

Какъ же не знать-съ? Пять лѣтъ вмѣстѣ служимъ-съ.

Понова (*тихо Антрыгиной*).

Ну вотъ и спроси про вторникъ.

Антрыгина.

Мнѣ хотѣлось бы отъ васъ слышать, что онъ за человекъ.
Одна моя знакомая очень имъ интересуется.

Бальзаминовъ.

Я не знаю, какъ говорить-съ. Какъ бы не вышло чего.

Антрыгина.

А что же можетъ выдти?

Бальзаминовъ.

А ежели онъ узнаетъ-съ.

Антрыгина.

Не беспокойтесь, не узнаетъ. А развѣ онъ дурной человекъ?

Бальзаминовъ.

Одно слово, разбойникъ-съ.

Антрыгина.

Какъ разбойникъ?

Бальзаминовъ.

Душегубецъ-съ.

Понова.

Какой вы вздоръ говорите! Скучно слушать!

Бальзаминовъ.

Помилуйте, какой же вздоръ, когда есть примѣры-съ.

Антрыгина (*съ испугомъ*).

Что вы говорите! Ахъ, Боже мой! Онъ убилъ кого нибудь?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, не убилъ-съ, а хочетъ убить до смерти-съ.

Понова.

Ужъ не васъ-ли?

Бальзаминовъ.

Да, меня-съ. Ей-Богу! (*Антрыгиной*.) Только ужъ вы сдѣлайте одолженіе, ему ничего не говорите-съ!

Антрыгина.

Да что вы! Я его и не знаю.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Нѣтъ, это вы нарочно-съ. Онъ сказывалъ , что вы съ нимъ знакомы, только у васъ теперь ссора вышла.

АНТРЫГИНА.

Ну да! то есть мы были знакомы, а теперь ужъ все кончено.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Это очень хорошо-съ.

ПЮНОВА.

Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ это нравится?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да какъ же-съ! Что же можно отъ него ожидать, коли онъ разбойникъ? Кромѣ непріятности ничего-съ. Теперь вы представьте себѣ, за что же онъ меня хочетъ убить до смерти-съ? За то что я къ вамъ въ домъ пришелъ-съ? Такъ ужъ вѣдь это кому счастье-съ! За чѣмъ же мнѣ отъ своего счастья бѣгать! При томъ же я человѣкъ съ большимъ вкусомъ-съ, у меня вкусу-то гораздо больше, чѣмъ у Устрашимова, а средствъ къ жизни нѣту-съ. Слѣдственно, я долженъ ихъ искать. Кабы мнѣ теперь средства-съ... А про Устрашимова я бы много могъ сказать, да потоварищенки негодится. Я только одно скажу, что человѣкъ самой черной души!

ПЮНОВА.

Вы намъ вотъ что скажите. Во вторникъ Устрашимовъ былъ въ Судѣ?

АНТРЫГИНА.

Да, сдѣлайте одолженіе!

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Во вторникъ? Позвольте-съ! Онъ во вторникъ былъ дежурный, цѣлый день въ Судѣ-съ и почевалъ тамъ.

ПЮНОВА (*Антрыгиной*).

Ну, что! говорила я тебѣ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Если человѣкъ со вкусомъ, да не имѣетъ средствъ, это ужасное положеніе-съ! Въ мечтахъ все представляется богатство и даже во снѣ-съ... (*Маша показывается въ дверяхъ.*)

МАША.

Барыня, пожалуйте сюда! (*Антрыгина подходитъ, говоритъ шепотомъ, возвращается и садится.*)

ПЮНОВА (*тихо*).

Что?

АНТРЫГИНА (*тоже тихо.*)

Письмо.

Бальзаминовъ.

Я говорю-съ, когда много вкусу и при томъ въ мечтахъ.

АНТРЫГИНА.

Неудобно-ли вамъ по саду погулять.

Бальзаминовъ.

Ничего-съ. Миѣ и здѣсь хорошо-съ.

АНТРЫГИНА.

Ужъ сдѣлайте одолженіе! Миѣ нужно тутъ заняться кой-чѣмъ.

Піонова.

И мы сейчасъ къ вамъ придемъ.

КРАСАВИЦА.

Ну ужъ, пойдемъ! Знать, имъ что побудъ нужно.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI-е.

АНТРЫГИНА, Піонова и Маша.

(*въ дверяхъ*)

Піонова.

Ну, читай, скорѣе, читай!

АНТРЫГИНА (*распечатываетъ и читаетъ.*)

«Милостивая государыня, Анфиса Даниловна! Наконецъ я узналъ, отъ чего происходитъ вашъ гнѣвъ на меня. Маша миѣ все сказала. Но я ни въ чемъ не виноватъ, въ чемъ вы сами можете легко убѣдиться. Стоитъ вамъ только спросить у когонибудь изъ моихъ товарищей, гдѣ я былъ во вторникъ, вамъ всякій скажетъ, что я былъ дежурный. Спросите хоть у Бальзаминова, у своего новаго обожателя. Онъ столько глупъ, что не сумѣетъ солгать, хотя бы и хотѣлъ. Если я и теперь не дождусь отъ васъ отвѣта или приглашенія, то, —вы меня знаете, я человѣкъ рѣшительный, —вамъ придется отвѣчать за меня передъ Богомъ, правительствомъ и публикою. Врачную душу мою стерегутъ злые демоны; я отдаю ее имъ на жертву; я чувствую

ихъ приближеніе. Пистолетъ заряженъ и ждетъ меня; я съ радостью встрѣчу смерть и съ адскимъ хохотомъ закрою глаза свои. Прежде вашъ, а теперь ничей Павлинъ Устрашимовъ.»

Пюнова.

Ахъ, какія чувства! Ахъ, какъ ты счастлива Анфиса, что тебя такъ любятъ! Ахъ, Боже мой! Отвѣчай ему скорѣй!

АНТРЫГИНА.

Что ты разахалась! Я сейчасъ пошлю за нимъ, онъ тутъ у воротъ дожидается. Маша, позови Павлина Иваныча! (*Маша уходитъ.*) Что же мнѣ дѣлать съ Бальзамивовымъ?

Пюнова.

Я пойду въ садъ, удержу его. А потомъ, когда мы придемъ сюда, онъ самъ увидитъ, что ему здѣсь дѣлать нечего.

АНТРЫГИНА.

Ну, и прекрасно.

Пюнова (*цѣлуя Антрыгину.*)

Милочка! (*Уходитъ. Антрыгина садится на диванъ и смотритъ въ противоположную сторону отъ двери. Входитъ Устрашимовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII-Е.

АНТРЫГИНА И УСТРАШИМОВЪ.

УСТРАШИМОВЪ.

Вы меня звали?

АНТРЫГИНА.

Не стоять-же вамъ у воротъ.

УСТРАШИМОВЪ. (*Видя, что Антрыгина на него не смотритъ, пожимаетъ плечами и отходитъ къ противоположному окну.*)

Что же вамъ угодно?

АНТРЫГИНА.

Вы хотѣли меня видѣть;—что вамъ угодно?

УСТРАШИМОВЪ.

Я хотѣлъ передъ вами оправдаться.

АНТРЫГИНА.

Что вамъ оправдываться! Мужчины всегда правы. Да я со-
всѣмъ и не за то сержусь, за что вы думаете.

УСТРАШИМОВЪ.

Такъ за что же?

АНТРЫГИНА.

Ужъ я знаю за что.

УСТРАШИМОВЪ.

Но однако?

АНТРЫГИНА.

Всего не перескажешь.

УСТРАШИМОВЪ.

Если вы меня звали только за тѣмъ, такъ прощайте.

АНТРЫГИНА (*вполовину оборотась*).

Куда же вы?

УСТРАШИМОВЪ.

Для васъ, я думаю, это рѣшительно все равно, куда бы я ни
пошелъ!

АНТРЫГИНА.

Почему же вы такъ заключаете?

УСТРАШИМОВЪ.

По всему; по приему вашему, потому что у васъ здѣсь Баль-
заминовъ. А впрочемъ какое же мнѣ теперь до этого дѣло! Про-
щайте!

АНТРЫГИНА (*взянувъ на Устраши-
мова.*)

Останьтесь съ нами чай пить.

УСТРАШИМОВЪ (*взянувъ на Антрыгину.*)

Къ чему же мнѣ оставаться? Ну скажите, къ чему?

(*Кладетъ тляну на столъ.*)

АНТРЫГИНА.

Вы хотите, чтобы васъ просили? Какъ вы горды!

УСТРАШИМОВЪ.

Я гордъ, да, я гордъ; но не противъ васъ.

АНТРЫГИНА.

Докажите на дѣлѣ, что не горды.

УСТРАШИМОВЪ.

Я вамъ это доказываю нѣсколько разъ, и готовъ доказать,
когда угодно. (*Подходитъ къ Антрыгиной и становится пе-
редъ ней на колыни.*) Вы видите, гордъ ли я! Я ни въ чемъ

не виновать передъ вами; но я прошу у васъ извиненія. (*Антрыгина молча протягиваетъ руку, онъ цѣлуетъ.*) Вы не сердитесь?

АНТРЫГИНА.

Встаньте! Не сержусь.

УСТРАШИМОВЪ (*встаетъ.*)

Вы меня измучили.

АНТРЫГИНА (*ударяетъ его по плечу*)

Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

УСТРАШИМОВЪ (*обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ щеку.*)

Ура! Побѣда!

АНТРЫГИНА (*сопротивляясь.*)

Что вы! Что вы! Ну войдетъ ктонибудь. Какой неосторожный! Обрадовался ужъ очень! На все есть время. (*Входитъ Пюнова.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII-Е.

ТѢЖЕ И ПЮНОВА.

ПЮНОВА (*вопросительно смотритъ на нихъ.*)

Помирились?

АНТРЫГИНА.

Помирились.

ПЮНОВА (*Устрашимову.*)

Я все время за васъ заступалась. Вотъ спросите ее.

УСТРАШИМОВЪ (*цѣлуя у ней руку.*)

Покорно васъ благодарю! (*Входятъ Красавина и Бальзаминовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX-Е.

ТѢЖЕ, КРАСАВИНА И БАЛЬЗАМИНОВЪ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*не замѣчая Устрашимова.*)

Какой у васъ прекрасный садъ-съ, и всякихъ цвѣтовъ очень много-съ! Только если бы я былъ богать-съ... (*Увидавъ Устрашимова, остается съ открытымъ ротомъ.*)

УСТРАШИМОВЪ.

Что жь бы ты?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Я бы-съ... Какъ же это? Зачѣмъ же-съ?...

УСТРАШИМОВЪ.

Зачѣмъ я-то, это очень просто. Ты-то зачѣмъ?

АНТРЫГИНА.

Да вотъ все Гавриловна! Навязывается съ женихами! И кто ее просить! (*Дѣлаетъ Красавиной знакъ глазами, достаетъ изъ кармана ассигнацію и потихоньку отдаетъ ей.*) Я и не думала, а ты тутъ съ сватовствомъ.

КРАСАВИНА.

Ну кто жь тебя зналъ! Я думала угодить. (*Тихо.*) Увести что ль? (*Антрыгина утвердительно киваетъ головой. Громко:*) Наше дѣло такое! Гдѣ тебѣ спасибо скажутъ, а гдѣ такъ и вѣшею вытолкають. И не радъ, да будь готовъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да какъ же-съ, вѣдь вы поссорились.

ПОПОВА.

Они поссорились, они и помирились. Это ужь ихъ дѣло.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

А какъ же я-то теперь-съ? При чемъ же-съ?

ПОПОВА.

А вы знаете русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Извините, я не понимаю-съ. Въ какомъ смыслѣ-съ?...

КРАСАВИНА.

А вотъ пойдемъ, я тебѣ дорѣгой растолкую.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какъ-съ? такъ и идти?

УСТРАШИМОВЪ.

И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

КРАСАВИНА.

Ужь что тутъ еще! Видимое дѣло, что тѣмъ же трахтомъ, да и назадъ пожалуйте!

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

А какъ же я маленькѣ-съ... онять же я съ правой стороны-съ... при всемъ томъ...

Всѣ.

Прощайте! Прощайте!

КРАСАВИНА.

Ну, совѣтъ да любовь! (*Бальзаминоффъ раскланивается. Красавина уводитъ его за руку.*)

Пюнова.

И прекрасно, и прекрасно! Вотъ теперь сядемъ чай пить.

АНТРЫГИНА.

Маша, давай самоваръ.

А. Островскій.

LIBRARY OF CONGRESS

00025256645